

ВЕРА МЮРКХЕЙН (Таллин)

О ВЛИЯНИИ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА НА ОДИН ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

1. Русские островные говоры на территории Эстонской ССР складывались в районах позднего заселения. В тех говорах, где окружающие условия исторически способствовали развитию постоянных лингвистических контактов с коренным эстонским населением, возникали сложные языковые процессы на базе различия систем этих неродственных языков.

Одним из таких «островов» является говор с. Мехикоорма, расположенного в юго-восточной части Эстонской ССР, на западном берегу так наз. Теплового озера, соединяющего Чудское и Псковское озера.

В районе Мехикоорма эстонское и русское население находится в тесных лингвистических и культурно-экономических взаимоотношениях в течение ряда столетий, поэтому старожилы данной местности, как правило, двуязычны.

В русской среде двуязычие¹ возникло естественным путем, как жизненная необходимость², при обмене продуктами труда, поскольку основным занятием русских было рыболовство, эстонцев — сельское хозяйство. В дальнейшем границы соприкосновения языков раздвинулись благодаря смешанным бракам, распространению лютеранства и просвещения. Лютеранская церковь принесла в край просвещение³, в то время как русский язык и культура даже после Северной войны долгое время находились в пренебрежении.⁴

Как известно, исторические условия влияют не только на характер контактирования, но и на «результаты общения языков». Видимо, этим можно объяснить и тот факт, что отдельные представители смешанных эстонско-русских семей ассимилировались, приняв полностью эстонский язык и уклад жизни. Однако большинство русских старожилов Мехикоорма сохраняет свой национальный язык, культуру и формы быта с заметным эстонским влиянием.

Несмотря на то что в различные исторические периоды эстонский и русский языки оказывались в несколько «привилегированном» положении друг к другу, их взаимоотношения можно рассматривать как

¹ Под двуязычием, или билингвизмом, мы понимаем активное пользование двумя языками каким-либо языковым коллективом, причем второй язык служит средством общения не только с внешним миром, но и в быту.

² Г. П. Сердюченко, Лингвистический аспект двуязычия. — Труды Института языкознания АН Казахской ССР, т. 3, 1963, стр. 9.

³ Eesti. Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. II. Võrumaa, Tartu, 1926, стр. 345.

⁴ П. Г. Пшеничников, Русские в Прибалтийском крае, Рига 1910, стр. 4—5.

⁵ В. А. Звегинцев, Очерки по общему языкознанию, Москва 1962, стр. 204—205.

адстратные.⁶ В настоящее время политическая и культурная жизнь осуществляется на обоих языках, административная и хозяйственная — преимущественно на эстонском. В «самых русских» семьях члены семьи говорят между собою по-русски, но довольно свободно, как бы не замечая этого, могут переходить на эстонский язык (чаще при появлении постороннего лица). Необходимо отметить, что большинству русских жителей известна не только местная форма эстонского языка (молодое и отчасти среднее поколение ею не пользуется), но и литературный язык. Когда собираются большими группами, то говорят на обоих языках. Молодежь из старожильческой среды знает оба языка и пользуется ими равноправно во всех сферах общения. Поскольку в селе есть лишь 8-летняя школа (с эстонским и русским языком обучения), то нередко русская молодежь продолжает свое образование или получает специальное на эстонском языке. На этом же языке, как правило, обучаются дети из смешанных семей.

2. Разговаривая на родном языке, русские иногда включают в свою речь отдельные эстонские лексемы. Как показывают наблюдения, это происходит по трем причинам. Во-первых, когда забывается русское слово, а его эстонское соответствие более употребительно в говоре, например: *вѳмба-кала как ѳн па-руськи-та ни зашто ни придѳмаю, вѳмбаф мала пападаѳцица* (эст. *vimb* 'тарань' морфологически освоено как существительное женского рода, *kala* 'рыба'); *я и па начѳм ни гашиѳ агнѳ* — *баѳс вѳймузит* (эст. *vait* 'привидение, дух' употреблено в форме партитива, закономерного после глагола *бояться*), *даѳжы вѳйѳтус, как эта саривнаѳния мѳжду сибѳ устрѳивали* (от эст. *võistlus* 'соревнование').⁷ Во-вторых, когда эстонское слово кажется говорящему более выразительным, семантически емким, ср. *он тут сам вѳрас коге-матту* (эст. *kogemata* 'случайно, сам по себе'); *соль ѳмбуб все* (эст. *imbub* — форма 3-го лица ед. числа глагола *imbima* 'проникать, пропитывать'); *кагда тунг, то ф пѳрву бѳчырьѳ тѳртуских сажѳют* (эст. *tung* в данном случае 'натиск, толчек' при посадке на автобус). В-третьих, когда новые понятия проникают в говор через эстонский язык, а их русские обозначения приходят позже или остаются неизвестными. Это в основном неологизмы нашего времени, например: *у нас имѳются рѳматукогу нѳукогу, апсѳждаѳм рѳзныѳ вапрѳсы* (эст. *raamatukogu pѳdikogu* 'читательский актив, совет библиотеки'); *с дѳтѳм тѳжы правѳдим кѳрвяндѳухѳммик* (эст. *kirjandushommik* 'литературный утренник'); *в музѳум здеѳлали пѳлный мудеѳл запѳса* 'в музей сделали полную модель сетей' (ср. эст. *muuseum, mudel*); *дѳти у минѳ слѳвныѳ в нѳорте рѳматусѳнпраде ринг хѳдят* (эст. *noorte raamatusѳprade ring* 'кружок молодых друзей книги'); *с такѳм как лѳмакасѳватая чѳста правѳдили бисѳды* (эст. *loomakasvataja* 'животновод').

В отдельных случаях к эстонскому языку прибегают для пояснения местных (русских) диалектных слов: *с вѳннай старанѳ знѳчит вѳльяс-пѳолт* (эст. *vѳljastpoolt* 'снаружи'); *па-наѳшѳму па-диряѳѳеньски* — *пѳсуки, истѳбнѳцы назывѳют хѳрулад* (от жноэст. *hѳrrul*, мн. ч. *hѳrulad*).

Включения частей эстонских фраз в границах одного высказывания обычно редки и, как правило, стилистически оправданы, например — *Он говорит: Manni, ole hea laps, mine rane vѳraѳ kinni* 'Манни, будь хорошим ребенком, иди закрой ворота'. В данном случае говорящий стремится передать речь эстонца в оригинале.

⁶ P. Ariste, Kolm kohalikku keelt. — КК 1969, стр. 146.

⁷ В эту группу слов мы не включаем финно-угорские и, в частности, эстонские заимствования старшей поры, как например: *карзѳть* (каржу) 'расчесывать шерсть', *трепка* 'лестница', *копель* или *копля* 'выгон' и др.

Несмотря на то что коммуникативные возможности эстонского и русского языков в данном случае можно считать равными (сфера быта, культурная и производственная жизнь обслуживаются как тем, так и другим языком), произвольное, т. е. семантически и стилистическое неоправданное смешение этих языков наблюдается сравнительно редко. Возможно, определенную роль здесь играет нормирующее влияние литературной формы языка, ибо, как справедливо отметила Л. И. Баранникова, в современных условиях межъязыковые контакты не имеют бинарного характера, в них всегда участвует и во многом определяет та языковая система, в которую входит тот или иной из взаимодействующих диалектов.⁸

Развитие билингвизма в русской среде рассматриваемого района уже перешло так наз. *adult bilingualism* — взрослый билингвизм⁹, при котором родной язык остается языком семьи, а чужой служит для общения с внешним миром. Русские старожилы Мехикоорма эстонским языком пользуются как обиходным наряду с традиционным русским. Необходимо отметить, что второй язык не всегда изучается в детстве через родной. Часто оба языка усваиваются одновременно как отцовский и материнский. Такое положение свидетельствует о периоде наибольшего развития билингвизма в данном языковом коллективе. Аналогичные условия объективно могут создавать предпосылки к смене языка. Однако основная масса носителей рассматриваемого говора не обнаруживает склонности к переходу на эстонский язык. Причинами стойкости говора, видимо, надо считать, с одной стороны, поддержку языковой системы русского языка, вариантом которой является данный говор, с другой стороны — активность коммуникативной функции самого говора.

3. Условия тесных и длительных контактов с эстонским языком наложили заметный отпечаток на развитие русского говора Мехикоорма, породили факты диалектной интерференции, пронизывающие все уровни его системы.

Влияние неродственного эстонского языка проявляется на разных уровнях по-разному. Наблюдения показывают, что прямое усвоение элементов чужой системы имеет место в основном в лексике, синтаксисе и частично в фонетике.

Так, в лексике, как правило, заимствуются отдельные лексемы (*клысь*, южноэст. *klõss* 'обезжиренное молоко', *пюсад*, эст. *puusad* 'бедра', *мёльный*, эст. *hajameelne* 'рассеянный'), а также образуются различного рода лексические кальки с эстонского языка (*ядóвить* — *nürgitama* 'травить', *ста́рый ма́лец* — *vanarõis* 'холостяк', *дять́нныи дэти* — *lapselapsed* 'внуки', *фляре́т пра́зника* — *enne püha* 'перед праздником') и др.

В синтаксисе отмечается образование отдельных конструкций по моделям эстонского языка (*памага́й мяня́* — *aita mind*, *их ве́рить няльзя́* — *neid uskuda ei saa*, *хад́ил в шко́ли* — *käisin koolis*, *все аста́лись дамо́й* — *kõik jäid koju*, *ей мно́га дятье́й* — *temal on palju lapsi*), постановка предлогов в конце предложения¹⁰ (*бро́сили пиряво́з чэ́рись; здесь са́мае у́скае ме́ста* — *ба́бы памяло́ пиридава́ли чэ́рись; лес плахо́й ни пра́йтить скрoсь*) и некоторые другие особенности.

⁸ Л. И. Баранникова, О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. — Язык и общество, Саратов 1967, стр. 29.

⁹ E. Haugen, The Norwegian Language in America. A Study in Bilingual Behaviour, Vol. 2, Philadelphia 1953, стр. 287.

¹⁰ В эстонском языке послелог (*tagasõna*) может заканчивать предложение.

На уровне фонетики элементом чужой системы можно считать средний, или «европейский» *l*, который выступает в соответствии с *л* твердым в различных позициях. Ср. *lótka*, *лук*, *складáть*, *глы́нка* 'глубоко', *бы́л*, *бы́ла*, *ны́л*, *бу́лка*, *Калнако́в*. Кроме того, отмечаются незакономерные для русского языка случаи переноса ударения на первый слог, например: *смéшна* 'смешно', *са́ма* 'сама', *язык*, *ро́диться*, *ро́стить*, *во́змет*. Как известно, в эстонском языке основное словесное ударение находится, как правило, на первом слоге.

В морфологической системе факты непосредственного влияния эстонского языка спорадичны и лексически ограничены. Так, в говоре употребительны именные словосочетания для обозначения жены по имени мужа. При этом, определяющий компонент имеет форму генитива ед. числа — *Ны́ла Ма́рья*, *Алексе́я Ли́за*, *Никола́я Лю́ба*. Иногда в указанной форме вместо русской флексии наблюдается соответствующая эстонская: *Анатóли Ольга*, *Ви́ктори Ма́рья*. Однако, как показывает фактический материал, на уровне морфологии (и отчасти фонетики) наблюдается в основном не прямое усвоение морфологических элементов эстонского языка, а образование переходных, развитие или затухание при поддержке чужой системы тенденций, заложенных в самом говоре.

4. Морфологическая система справедливо считается наименее проницаемой для иноязычного влияния, особенно для проникновения элементов словоизменения.¹¹ Тем не менее, целый ряд исследователей указывал на отдельные факты проникновения иноязычных грамматических форм в ту или иную морфологическую систему¹², а также на возможность и закономерность определенных сдвигов в употреблении этих форм в условиях тесного и продолжительного контактирования неродственных языков или диалектов.¹³

Известно сравнительно мало работ по контактам русского и других славянских языков и диалектов с неродственными языками, в которых затрагивались бы вопросы морфологических изменений.¹⁴

5. Анализ некоторых явлений языковой интерференции на уровне морфологии рассматриваемого говора и входит в задачу предлагаемой работы.

Заслуживает внимания тот факт, что указанные явления обнаруживаются в основном в некоторых категориях имени существительного и глагола.

Прежде всего они выражаются в отклонениях от закономерностей русского языка при употреблении отдельных грамматических форм.

¹¹ Г. Пауль, Принципы истории языка, Москва 1960, стр. 469; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, Москва 1960, стр. 394.

¹² Ж. Вандриес, Язык, Москва 1937, стр. 263, 266—267 и др.

¹³ А. М. Селищев, Русский язык у инородцев Поволжья. — *Slavia*, Ročník 4, Sešit 1, 1925, стр. 26; Л. И. Баранникова, К проблеме изучения взаимодействия языков и диалектов на территории позднего заселения. — Вопросы славянского языковедения, Саратов 1968, стр. 51; С. А. Меновщиков, К вопросу о проницаемости грамматического строя. — ВЯ 1964, № 5, стр. 100, 106; Л. Х. Даурова, Двухязычие, его виды и этапы развития. — Статьи и исследования по русскому языку. — Ученые записки Московского гос. пед. института им. В. И. Ленина, Москва 1964, стр. 15.

¹⁴ Л. В. Щербачева, Восточнолужицкое наречие, т. I, Петроград 1915; G. N a z a i, Prolog istorjatu morfeme -luk. — Сборник за филологију и лингвистику, Нови Сад 1964, № 7, стр. 59—62; R. P e r u š e k, O rabi dovršnih in nedovršnih glagolov v novi Slovenščini. — Jahresbericht d. K. K. I. Staatsgymnasiums zu Laibach 1910, стр. 3—26; П. С. Кузнецов, Русская диалектология, Москва 1960, стр. 100; К. М. Браславец, Диалектологический очерк Камчатки, Южно-Сахалинска 1968, стр. 334—335; Н. П. Гринкова, Средний род в русских диалектах. — Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 59, Ленинград 1948, стр. 89—96 и др.

В одних случаях эти отклонения имеют регулярный, систематический характер, в других — окказиональный. И те и другие встречаются в границах одной грамматической категории.

Так, имя существительное *платье* употребляется русскими старожилыми, как правило, во множественном числе. Ср.: *на ней плáтья загарéлись*¹⁵; *в мяня бýли надéты рóзавыи батíставыи плáтья; паéхали и вот забыли свай вянчальныи плáтья, май — явó бýли адéтыи; Сэня, спраси́ взяли а́ни май вянчальныи плáтья; в ней плáтья гарáс карóтки адéты; ва́ши плáтья уж вýсахли; я в батíставых плáтьях вянчáлась; в мяня́ бýли прáзнышныи плáтья дл́нныи с бахмарой (бахмара 'бахрома'); к стáрым плáтьям абóрку пришýбла; надéнь-ка нóвыи плáтья-та.* В данном слове произошла полная замена парадигмы склонения имени среднего рода парадигмой склонения имен существительных во множественном числе. Синтаксические связи также подтверждают переход этого слова в разряд имен существительных *pluralia tantum*. Такой переход, видимо, мог произойти при поддержке эстонского языка, в котором для выражения общего понятия как женской, так и мужской одежды актуальны слова *riided* и *rõivad*, употребляющиеся только во множественном числе. О том, что слово *платье* у носителей говора не всегда ассоциировалось с понятием женской верхней одежды, говорит такой факт из приведенных выше: *май вянчáльныи плáтья забыли — явó* (т. е. жениха) *бýли адéтыи*. В данном случае и мужской костюм обозначается словом *платье* во множественном числе.

Другие факты, свидетельствующие о колебаниях в употреблении форм числа, менее регулярны, но также основаны на расхождениях в оформлении числа в эстонском и русском языках. Например, существительные *черника, малина, работа, погода* могут употребляться в говоре как в единственном, так и во множественном числе: *чарн́ика-та уж пас-лэ́фшы, ф том лясú и мал́ина и чарн́ики е 'в том лесу и малина и черника есть'; на́шы жéнышыны ф чарн́иках хад́ифшы 'наши женщины за черникой ходили'; плáтья ф чарн́иках испáчканы; ф прóшлым гадú я там в мал́ины хад́ифшы; за Мéкси ф тым лясú и мал́ины и чарн́ики — фсэ растé; в мал́ины пайдём; пагóда гарáс худáя бýла 'погода была очень плохая'. Параллельно с этим встречаются и такие формы: *пагóды тэ́плыи с вясны бýли, эт́и пагóды дблга ни прастая́т, таќии пагóды бýли 'такая погода была', тяжóлых работ дéлали.**

Можно полагать, что формы множественного числа в указанных существительных появились под влиянием эстонского языка, в котором эти слова закономерно образуют формы единственного и множественного числа.

Трансформация формы числа в существительном *платье* на начальном этапе могла иметь фонетическую причину, т. е. с развитием аканья безударная флексия именительного падежа единственного числа *-е* совпала с флексией множественного числа *-а*. На следующем этапе фонетическое обобщение перерастает в морфологическое: по аналогии с именительным падежом косвенные падежи единственного числа начинают оформляться по множественному числу. Поддержкой для такого обобщения, видимо, стал эстонский язык.

6. В изучаемом говоре большая часть существительных, употребляющихся в единственном и множественном числе или только в единственном, обладает формальными признаками грамматического рода. Наряду с этим, речь жителей обнаруживает колебания в распределении

¹⁵ В данном и последующих случаях говорящие имеют в виду *платье* как один предмет.

существительных по трем родовым группам. Чаще всего это относится к именам среднего рода, согласуемые с которыми прилагательные, личные местоимения и глаголы в форме прошедшего времени употребляются в женском роде, например: *запрётная время, там балота ягадная, сена сухая, тяжёла палажэнья была, начальства приехала, лёгкая аружьья* 'легкое оружие', *тагда эта братанья началась, сена эта скатинная* 'это сено для скота', *посли эта атступленья вышла, направленья была сюда, тая места была гнилинная* 'то место было глиняное', *старая залёза* 'старое железо', *лёта гарас плахая была, руська кладбишиа, спасибо ей была дана, горла балёла, гаданья была такая* 'было такое гаданье'.

Менее последовательное совпадение среднего и женского рода отмечается в формах винительного и дательного падежей: *взьми тую бялю, апчыстят грип и паложат на гарячую залёзу, аружьню в лес паставили, испалняли пад эта саправаждэню, палучала спасибо* 'получала пенсию', *адиялу падарили, падбярутся к горли*.

Переход существительных среднего рода в женский известен многим акающим русским говорам; исследователи объясняют его фонетическими причинами — совпадением в произношении безударных окончаний среднего и женского рода.¹⁶ Н. П. Гринкова считает, что помимо внутренних причин, интенсификации утраты среднего рода может способствовать воздействию на русский диалект языков, не знающих категории рода.¹⁷ В данном случае эстонский язык, видимо, поддерживает развитие процесса, свойственного целому ряду русских говоров. Это положение подтверждают и другие факты колебания в оформлении родовой принадлежности существительных.

Так, переходу среднего рода в женский в говоре Мехикоорма сопутствует переход среднего рода в мужской: *паббишиа был лидяной, такой слова есть, питанья на свой шиот был, сапшишэньи должны быть, ватный удияла, сена-та ни дужы сухой, дно пралятёл* 'дно провалилось'.

Исследователи полагают, что при замене среднего рода мужским играет роль близость парадигм склонения этих групп имен существительных.¹⁸ С другой стороны, причиной перехода имен среднего рода в мужской называют редукцию конечного гласного звука в формах определений-прилагательных с ненаконечным ударением и утрату его в конце синтагмы.¹⁹ Фактический материал говора не подтверждает

¹⁶ Е. Будде, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, Варшава 1892, стр. 103; С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке. Выпуск 1, Ленинград 1927, стр. 49—59; С. И. Котков, Говоры Орловской области. Фонетика и морфология. Докт. дисс., Москва 1952, стр. 59—70; В. Н. Кретьова, Морфологические особенности южно-русских говоров. — Известия Воронежского пед. института, Воронеж 1962, стр. 129 и др.

¹⁷ Н. П. Гринкова, Средний род в русских диалектах. — Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 59, Ленинград 1948, стр. 89—96.

¹⁸ Н. Н. Дурново, Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. — Русский филологический вестник, Варшава 1903, стр. 138; С. С. Высотский, Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. — Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. 1, Москва—Ленинград 1948, стр. 89—91.

¹⁹ С. П. Обнорский, Именное склонение, стр. 52—53; В. Т. Мосиенко, Переход имен существительных среднего рода в мужской в говорах Южного Урала. — Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 года, Москва 1965, стр. 64—66; И. Р. Емельченко, Категория рода в уральском степном говоре. — Ученые записки Гурьевского гос. пед. института, вып. 1, Гурьев 1958, стр. 127—128.

этой закономерности: формы мужского рода вместо среднего могут находиться как внутри, так и в конце синтагмы, где редукция конечного гласного в силу фонетических особенностей говора минимальна (ср. в примерах: *питанья . . . был, сена . . . сухой, дно пралятел*). С другой стороны, в мужском роде вместо среднего употребляются формы, фонетически противопоставленные друг другу; *саапшиэньи долъжын быть* (в соответствии с *далжно*), *этыт кино ня интярэсный* (вместо *эта*), *ватный удияла аста́лса* (вместо *аста́лась*) и др.

Помимо этого, в говоре наблюдается немало случаев, когда существительные женского рода приобретают грамматическое значение мужского рода и наоборот. Например: *паго́да худя́я был, маладе́жу фсе́ о́чынь проста́ была, э́та вайна́ пишахо́дняя была, о́ттипиль до́лга стая́л, дли́нный прору́бь, до́лжын быть кукю́шка гато́вая* 'головка льна должна быть готова', *инвенту́р де́лали, ячме́нь была в нас пасе́ина, но́вая сту́ла, дай тю́ сту́лу* 'дай тот стул', *гвоздь папа́ла, ли́тру во́тки дава́ли, на́ша кли́ма яму́ ни гади́цца, избы́тка вы́шла* 'избыток вышел', *тяпе́рь фа́брика тю́ запас да́ёт* (*запас* 'сети') *стра́шный грясь, тем ко́нчылась сяво́днишний день, синако́са была на э́ту сто́рану, тяпе́рь то́ва кате́хи не́ту* (им. пад. ед. ч. *катеха* 'дубило'), *по́лный му́дель сде́лали* 'полную модель сделали'.

В отдельных словах отклонения от нормы в оформлении рода объясняются сохранением старой родовой принадлежности — *но́вый крýлец со́елана, в мяня́ большо́й ува́ль был до́ зени* 'у меня длинная вуаль была де земли', *санато́рию в лес пастро́или* 'санаторий в лесу построили'.

Фонетически неосвоенные заимствования из эстонского языка могут не совпадать с русскими соответствиями в родовой оформленности, например: *на́ша кли́ма* (ср. эст. *kliima* — рус. *климат*), *инвенту́р де́лали* (эст. *inventuur* — рус. *инвентаризация*).

При отдельных существительных согласуемые единицы в границах одной фразы употребляются то в одном, то в другом роде, ср. — *вайна́ э́та пишахо́дняя была, до́лжын быть кукю́шка гато́вая, вы́шла тако́й слýчай, тем ко́нчылась сяво́днишний день, паго́да был худя́я*.

Сами жители Мехикоорма иногда замечают за своими односельчанами неправильное употребление форм мужского рода по отношению к лицам женского рода и наоборот. Например: *те́тя Ири́ша же́нишы́ну как мушы́ы́ну ска́жыт мусько́й рот* — *на́ша Ко́лька, мо́й Ва́лька* (от женского имени Валентина).

Следует отметить, что одни и те же лексические единицы в разных контекстах нередко проявляют различную родовую принадлежность в речи одного и того же носителя говора, ср. — *пришо́л с рабо́та : пришо́л с рабо́ты, кино́ интярэсный : кино́ далжно́ за́втра быть, гвоздь папа́ла : ста́рый гвоздь, сена́ вы́сахла : сена́ гара́зд сухо́й*. Аналогичное явление встречается и в русских говорах Литвы.²⁰ Переход существительных мужского рода в категорию имен женского рода отмечен в одном из русских говоров Иркутской области.²¹ Колебания в оформлении рода под влиянием ительменского языка, в котором нет категории рода, имеют место в речи русских старожилов Камчатки.²² Случаи замены

²⁰ М. К. Сивичкене, Об особенностях родового оформления имен существительных в русских говорах Литвы. — Тезисы докладов диалектологической конференции по изучению русских говоров Прибалтики, Тарту 1968, стр. 20.

²¹ Т. В. Сергеева, Категория грамматического рода имен существительных в говоре с. Громы Братского района Иркутской области. — Ученые записки Иркутского гос. пед. института, вып. 25, серия лингвистическая, Иркутск 1966.

²² К. М. Браславец, Диалектологический очерк Камчатки, Южно-Сахалинск 1968, стр. 296—297.

среднего рода женским и мужским известны и в других русских говорах на территории Эстонской ССР.²³

Можно полагать, что в говоре Мехикоорма внутренние причины распада среднего рода (фонетическая — переход к аканью, и отчасти морфологическая) были поддержаны внешним фактором — влиянием эстонского языка. Русская речь эстонского населения, а также членов смешанных русско-эстонских семей, не придерживающихся строгой нормы в употреблении родовых форм, в условиях тесного контактирования не могла не воздействовать на речь носителей русского диалекта. Отсюда появились не только случаи замены среднего рода женским и мужским, но мужского — женским и женского — мужским. Таким образом, в процессе функционирования языка по разным причинам возникли факты, действующие в одном направлении.

7. Вторым звеном морфологической системы, где наблюдаются определенные колебания в употреблении некоторых форм, возникающие, по нашему мнению, в результате взаимодействия с эстонским языком, является глагол. И это не случайно, поскольку именно глаголы имеют «главнейшее значение при коммуникации».²⁴

Как правило, в говоре противопоставляются по грамматическому значению глаголы совершенного и несовершенного вида, что обуславливает наличие соотносительных видовых пар.

На фоне общих закономерностей развития и оформления видовых отношений выделяются факты, свидетельствующие о стирании различий в функционировании совершенного и несовершенного вида. Случаи отклонения от нормы в употреблении видовых форм прослеживаются в двух направлениях.

Одно из них характеризуется тем, что глаголы совершенного вида выступают при повторяющемся, многократном способе действия, который выражается синтаксическими средствами (обстоятельствами меры и степени, частями синтаксического целого и широким планом контекста) и находится в противоречии с видовой формой глагола. Например: *в мянъя жыл адін рыба́к, ка́ждый ве́чир принёс ры́бы; што са́ми хаза́йва ва́сёгда е́ли, то и нам да́ли; ра́ньшы ни то́лько мушы́ны хаді́ли на́ зира и нас (женщин) ва́зли; тяле́нка ня бу́дим купі́ть*. Форма несовершенного вида в соответствии с совершенным употребляется реже: *ра́звн ва́сё уж прадава́ли? 'разве уже все продали'; тут бы́ла ру́ських и исто́нцыф: я наишчы́тывал чу́ть ни напалава́іны 'я насчитал, почти по половине'; кагда́ каро́ва тялі́лась, то 18 літра́в дава́ла; я так стяба́лася 'я так наелась'*.

Второе направление составляют случаи неразличения в употреблении форм глаголов настоящего и простого будущего времени, или будущего совершенного. Известно, что видовое противопоставление реализуется во временном плане.²⁵ В рассматриваемом говоре встречаются факты стирания видовых различий как в настоящем-реальном, так и в настоящем-будущем времени. Ср. употребление глаголов несовершенного вида в настоящем-будущем времени: *ско́ра разря́шя́ют лаві́ть, за́прётная вре́мя в а́вгустн ко́нчы́тса; а́на́ вяде́т вас в лес, ей вре́мя е́сть; платі́ти таку́ю цэ́ну, ра́ньшы ни прадае́м, бу́душы́ый вясно́й ка́ждый дичо́к дае́т три атро́ска*. Более часты факты использования глаго-

²³ Х. Хейтер, Диалектный русско-эстонский билингвизм на территории ЭССР. — Диалектологический сборник, Рига 1968, стр. 18.

²⁴ Г. А. Меновщиков, указ. раб., стр. 102.

²⁵ А. В. Бондарко, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — Ученые записки Института славяноведения АН СССР XXIII, Москва 1962, стр. 184.

лов совершенного вида в настоящем-реальном времени, например: *тѣпка эта чѣм зѣмлю стѣпают, сѣядѣт бѣлки аднѣ звѣри* 'едят белок какие-то звери'; *есть ласок, бѣлка, кунѣца* — *каждыеа звѣря иначе назавѣт; анѣ жѣнншыну как мушншыну скѣжыт* — *муськѣй рот* 'она о женщинах, как о мужчинах говорит — в мужском роде'.

В русском языке нейтрализация видового противопоставления в одной форме, как известно, может иметь место в определенных позициях.²⁶ Однако в этом случае замена одного вида другим не влияет на основной смысл высказывания. В наших же примерах характер протекания действия не находит выражения в грамматической оппозиции, а видовая форма глагола противоречит основной мысли высказывания. Такого рода отклонения в категории вида могут свидетельствовать о замедленности ее роста или, по словам А. Мазона, об «анемии».²⁷ Одной из причин этого явления можно считать влияние эстонского языка. Ср. эстонские соответствия: *sõbivad oravid mingisugused loomad* 'едят/съедят белок какие-то звери'; *iga looma nimetavad isemoodi* 'каждого зверя иначе назовут/называют'; *mehed käisid järvel ja võtsid meid kaasa* 'мужчины ходили на озеро и нас брали/взяли'. На характер протекания действия в эстонском языке, как правило, указывают синтаксические элементы.²⁸

8. Определенные колебания в употреблении глагольных форм наблюдаются также в группе переходных глаголов. Как известно, возвратные глаголы в русском языке — непереходные, и *-ся* выступает формальным выразителем непереходности. Эта закономерность в рассматриваемом говоре нарушается случаями употребления прямопереходных глаголов с формантом *-ся*. При этом наличие или отсутствие *-ся* не меняет лексического значения глагола; например: *ф шкѣли мѣла рѣсьскѣй язык ѣчатса, ей нѣда так вѣучытса фсе как стишѣк, драмкружѣк прѣдлжѣйтса свѣю работѣ, дѣтѣй тѣпѣрь заучѣлись, как пачнѣт истѣрѣю учѣйтса, штѣбы ѣту цѣркафѣ ухватѣть самѣдѣятельность устрѣились* 'чтобы построить церковь, организовали самодеятельность', *тадѣ убѣились нѣкѣтарых* 'тогда некоторых убили', *мнѣгих убѣились ф пѣрву мѣравѣю вѣйнѣ, прѣста фтрѣбавали пѣрѣманѣвацца свѣй фамѣлѣи* 'просто требовали изменить свои фамилии'.

Для системы глагола русского языка и народных говоров данное явление не характерно. Видимо, в говоре Мехикоорма оно могло появиться под влиянием русского говорения эстонской части населения. Это предположение подтверждает и практика преподавания русского языка эстонским учащимся. Усвоение глагольных форм с *-ся* и без *-ся* — один из наиболее трудных участков на пути изучения русского языка, также как и категория вида в тех направлениях, которые мы рассматривали.

9. Итак, фактический материал показывает, что морфологические изменения, возникающие в результате взаимодействия с эстонским языком, касаются в основном имени существительного и глагола. Эти изменения обнаруживаются преимущественно в тех участках системы, которыми различаются контактирующие языки.

Как правило, влияние неродственной системы проявляется в поддержке или торможении процессов, которые имеются в самом говоре

²⁶ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Ленинград 1967, стр. 60—61.

²⁷ А. Мазон, Вид в славянских языках (Принципы и проблемы), Москва 1958, стр. 60.

²⁸ Подробнее см. В. Мюркхейн, Влияние эстонского языка на развитие видовых отношений в русском говоре с. Мехикоорма Эстонской ССР. — СФУ IV 1968, стр. 175—181.

(колебания в оформлении родовой принадлежности и видовых отношений). Помимо этого, возникновение ряда промежуточных форм, составляющих специфику говора, можно объяснить воздействием русского говорения эстонской части населения, например: переходные глаголы с формантом *-ся*, формы множественного числа от существительных *черника*, *малина*, *работа* и другие. Прямое усвоение элементов чужой системы наблюдается в единичных случаях — флексия эстонского генитива *-i* в замкнутой группе личных имен существительных, обозначающих жену по мужу: *Анатóли Мáрья, Вíктори О́льга*.

Новые морфологические элементы сосуществуют с традиционными и не являются преобладающими в говоре. Это — пока факты речи. Однако их регулярность и некоторая систематичность в существующих условиях бытования говора может привести к определенным сдвигам в тех или иных участках морфологической системы.

Изучение результатов взаимодействия неродственных языков на уровне морфологии глубже раскрывает механизм двуязычия и дает материал для решения ряда проблем общего языкознания.

VEERA MÜRKHEIN (Tallinn)

ABOUT THE INFLUENCE OF THE ESTONIAN LANGUAGE ON THE RUSSIAN DIALECT SPOKEN IN THE VILLAGE OF MEHIKOORMA IN THE ESTONIAN S.S.R.

The Russian dialect as spoken in the village of Mehikoorma has developed on the territory of the Estonian S.S.R. in the conditions of close contacts between the Estonian and the Russian people in the field of culture, economy and language. The Russian people settled down on this territory in a relatively late period of history. The mutual relations of the two contacting languages may be characterized as adstratal.

The present-day Russian inhabitants in the village of Mehikoorma speak the local Estonian dialect as well as literary Estonian. They use it not only as the means of intercourse with the outside world but also in everyday life at home, with their own family.

On the account of the differences between the two non-related languages, some complicated developments take place in the Russian dialect. Facts of interference can be found in all the spheres of the dialect. The Estonian language has influenced each sphere of the Russian dialect in a different way.

Thus, in morphology very few elements of the Estonian language have had a direct influence on the dialect. However, some deviations from the rules of the Russian language can be observed in those categories where the differences between the Estonian and the Russian language are the greatest. For example, in the category of number: the nouns *черника*, *малина*, *работа*, *погода* may in the dialect have the forms of the singular and the plural like the corresponding Estonian words. The Russian word *платье* is declined only in the plural form like the Estonian word *rõivad*.

In the category of gender: the neuter forms are replaced by feminine and masculine forms (which may be due to phonetic reasons), but also feminine nouns are used like masculine ones and vice versa. Similar phenomena can be observed when the people are talking about male or female persons, e.g. *моя дядя*. This development takes place, apparently, under the influence of the Estonian language which has no category of gender.

In the category of aspect of the Russian verbs some cases were observed where a violation of the accepted standards of expressing the relations of aspect took place. Especially so, when a continuous or repeated action was involved. Besides, sometimes the forms of the so-called "real present tense" and "future present tense" were not differentiated. Such divergences in the forms of aspect can be explained by the influence of the Estonian language which has no category of aspect.

Under the influence of the Estonian-speaking population, the Russians have widely begun to use the reflexive ending *-ся* with transitive verbs which, as a rule, require a direct object: *убились многих, учился историю*. The frequent occurrence of such forms may create the prerequisites for some kind of changes in the morphological structure of the dialect.